

Автор серии «Оттенки магии» и других бестселлеров
№ 1 по версии The New York Times

ВИКТОРИЯ ШВАБ

То, чего не видишь,
всегда намного страшнее того,
что видишь.

ГОРОД ПРИЗРАКОВ

Кэссиди Блейк

Виктория Шваб
Город призраков

«АСТ»

2018

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

Шваб В.

Город призраков / В. Шваб — «АСТ», 2018 — (Кэссиди Блейк)

ISBN 978-5-17-111578-4

После того, как Кэссиди чуть не утонула, она научилась приоткрывать завесу, отделяющую мир живых от мира мертвых. Ее лучший друг – призрак. В ее жизни все и так уже непросто, но станет гораздо сложнее, когда ее родители примут участие в телешоу о самых известных местах в мире, связанных со сверхъестественными явлениями. Семья Кэссиди отправляется в Шотландию, в Эдинбург – Город призраков, где кладбища и замки кишат привидениями. Кэсс предстоит узнать много нового, и учиться придется быстро, ведь Город призраков опаснее, чем она думает.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-111578-4

© Шваб В., 2018

© АСТ, 2018

Содержание

Часть первая	6
Глава первая	6
Глава вторая	11
Глава третья	14
Глава четвертая	17
Глава пятая	22
Часть вторая	25
Глава шестая	25
Глава седьмая	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Виктория Шваб

Город призраков

Victoria Schwab

City of Ghosts

Text copyright © 2018 by Victoria Schwab

© Е. Мигунова, перевод на русский язык

©ООО «Издательство АСТ», 2019

Городу, в котором я оставила свое сердце.

*Умереть – это ведь тоже большое и интересное приключение.
Джеймс Барри, «Питер Пэн»*

Часть первая Оккультурологи

Глава первая

Считается, что призраки являются только по ночам или на Хэллоуин, когда кругом темно, а границы между мирами истончаются. Но на самом деле призраки повсюду. В хлебном отделе вашего супермаркета, в бабушкином саду, на переднем сиденье автобуса, в котором вы едете.

То, что вы их не видите, совсем не значит, что их там нет.

Я сижу на уроке истории и вдруг чувствую *тук-тук-тук* по плечу – словно капли дождя. Одни называют это интуицией, другие ясновидением. Такое странное щекочущее чувство на границе ощущений, подсказывающее, что за этой границей есть *что-то еще*.

Меня оно посещает уже не в первый раз – за сравнительно короткое время. Иногда накачивается даже тут, в школе. Я пробовала не обращать на это внимания – каждый раз пробую – не помогает. Оно будто уворачивается, потом нападает снова, и я уже знаю, что единственный способ справиться – это подчиниться. Пойти и проверить, что там.

Сидя в другом конце класса, Джейкоб ловит мой взгляд и качает головой. Он не чувствует *тук-тук-тук*, но достаточно хорошо меня знает, чтобы понять, когда я это слышу.

Я ерзаю на стуле, заставляя себя сосредоточиться на том, что происходит в классе. Мистер Мейер отважно пытается вести урок, не обращая внимания на то, что идет последняя неделя занятий и до летних каникул осталось всего ничего.

– ...к концу войны во Вьетнаме в 1975 году американские войска... – бубнит учитель. Его никто не слушает. Да что там, его вообще не замечают. Дерек и Уилл спят с открытыми глазами, Мэтт мастерит из бумаги очередной футбольный мяч. Элис и Мелани составляют какой-то список.

Элис и Мелани – *популярные девочки*.

Это можно сразу понять по тому, что выглядят они, как клоны – одинаковые блестящие локоны, одинаковые безупречные зубы, одинаково покрашенные ногти, – а вот я тощая и нескладная, с круглыми щеками и курчавыми темными волосами. У меня даже нет лака для ногтей.

Считается, что все *спят и видят*, как бы стать популярным. Но, признаюсь, сама я никогда этого не хотела. По-моему, это ужасно утомительно – пытаться следовать бесчисленным правилам. Их и запомнить-то невозможно. Улыбаться, но не слишком широко. Смеяться, но не очень громко. Носить правильную одежду, заниматься правильным спортом, проявлять заботу о том и о сем, но не чересчур.

(У нас с Джейкобом тоже есть правила, но они же совсем другие.)

Вдруг Джейкоб встает и подходит к парте Мелани. Вот *он*, я думаю, мог бы стать популярным, с его-то волнистыми светлыми волосами, ярко-голубыми глазами и добродушным характером.

Бросив на меня озорной взгляд, он подсаживается к ней на край парты.

Да, *мог бы* стать, если б не одна проблема.

Джейкоб мертв.

– «Что нам нужно для киновечеринки...», – громко читает он, заглядывая в записку Мелани. Но слышу Джейкоба только я одна. Мелани складывает другой листок – приглашение

на вечеринку, понимаю я, потому что печатные буквы ярко-розового цвета – и тянется, чтобы передать его Дженне, сидящей перед ней. И ее рука проходит прямо сквозь грудь Джейкоба.

Он делает вид, что страшно оскорблен, и вскакивает с парты.

Тук-тук-тук, тихонько стучит у меня в голове, будто кто-то шепчет, но я не могу разобрать слов. Я нетерпеливо поглядываю на часы над дверью. Когда же, наконец, звонок?

Джейкоб подруливает к Элис, у которой на парте разложено множество разноцветных ручек. Нагнувшись над ними, он протягивает к одной из ручек палец, целиком сосредоточившись на том, чтобы толкнуть ее.

Но ручка лежит, не шелохнется.

В кино духи-полтергейсты швыряют телевизоры и двигают по полу кровати. Но на самом деле призраку приходится тратить *уйму* энергии, чтобы пройти сквозь Вуаль – завесу между их миром и нашим. А те призраки, которым хватает на это сил, обычно очень старые и довольно угрюмые. Живые могут черпать силы в любви и надежде, а мертвецы крепчают от более мрачных вещей. От боли, гнева и тоски.

Теперь Джейкоб, хмурясь, пытается – снова безуспешно – сдвинуть с места бумажный мячик Мэтью.

Как хорошо, что он не мрачный.

Вообще-то, я даже не знаю, давно ли Джейкоб *мертв* (об этом я стараюсь думать приглушенно, так как знаю: ему это не понравится). Наверное, все произошло не так уж давно, потому что выглядит он вполне современно – в футболке с супергероем, темных джинсах и высоких кроссовках. Но он никогда не рассказывает, что с ним случилось, а я не спрашиваю. У друзей есть право на секреты друг от друга – это так, даже несмотря на то, что Джейкоб может читать мои мысли. Я вот не могу узнать, о чем думает он. Но не жалею: если все взвесить, лучше быть живым, хоть и не телепатом, чем телепатом, но призраком.

При слове *призрак* он вскидывает голову и многозначительно покашливает.

– Предпочитаю формулировку «человек с ограниченными телесными возможностями».

Я возмущенно округляю глаза – Джейкоб отлично знает, я не люблю, когда он без разрешения роется в моих мыслях. Да, наши отношения необычны – но, слушайте, должны же быть какие-то рамки!

– Я не виноват, что ты так громко думаешь, – оправдывается Джейкоб, усмехаясь.

Я фыркаю, и несколько одноклассников косятся в мою сторону. Втянув голову в плечи, стараюсь слиться с партией, при этом ногами задеваю лежащий на полу рюкзак с учебниками. Приглашение, которое Мелани передала Дженне, перемещается по классу. У моей парты оно не задерживается. Меня это не огорчает.

Уже почти наступило лето, а это значит – свежий воздух, много солнца и читать книжки не по списку, а просто для удовольствия. Это значит, что наше семейство, как всегда, отправится в съемный дом на пляже в Лонг-Айленде, где мама и папа будут работать над новой книгой.

Но – самое главное! – это значит: никаких привидений.

Сама не знаю, что не так с этим домом на пляже – может, дело в том, что он совсем новый, или в том, что стоит на отлете, один на берегу, но там и вправду намного меньше призраков, чем здесь, в Нью-Йорке. А значит, когда окончатся занятия, меня ждут целых шесть недель солнца, песка и спокойного сна по ночам.

Шесть недель без бесконечного *тук-тук-тук* от неугомонных духов.

Шесть недель, когда я буду чувствовать себя почти *нормальной*.

Жду не дождусь, скорей бы уже.

Жду не дождусь... и все же, когда звенит звонок, я вскакиваю, вешаю рюкзак на одно плечо, а фиолетовый ремень фотоаппарата на другое и позволяю ногам нести меня вперед, навстречу настойчивому *тук-тук-тук*.

– Безумная идея, – заявляет Джейкоб, проявляясь на лестнице рядом со мной. – Но есть еще время передумать, мы еще можем просто пойти пообедать.

Сегодня четверг. *День мясного рулета*, думаю я, следя за собой, чтобы не говорить вслух. *Уж лучше встретиться с призраком*.

– Эй, полегче, – говорит он. Но мы оба знаем, что Джейкоб не обычный призрак, как и я – не обычная девочка. С некоторых пор. Это был несчастный случай. Велосипед. Река подо льдом. Не вдаваясь в детали, Джейкоб спас мне жизнь.

– Ага, я почти супергерой, – гордо говорит Джейкоб, и тут дверца шкафчика резко открывается, прямо ему в лицо. Я морщусь, но он проходит прямо сквозь стену. Я не то чтобы *забыла*, кто такой Джейкоб – как можно забыть, что твой лучший друг невидим для всех остальных. Но это просто удивительно, насколько быстро к такому привыкаешь.

Да и вообще, то, что Джейкоб рядом со мной уже почти год – это еще не самая странная часть моей жизни. Согласитесь, тут есть о чем задуматься.

Мы выскакиваем в вестибюль. Налево – коридор, ведущий к школьному буфету. Направо – лестница.

– Последний шанс сделать нормальный выбор, – предостерегает Джейкоб, но на лице у него появляется хитрая, кривая улыбочка. Мы оба знаем: нормальное для нас уже давным-давно осталось позади.

Мы идем направо.

Спускаемся по лестнице, попадаем в другой вестибюль, пробираемся сквозь толпу (все спешат на обед), и с каждым поворотом все сильнее, все громче звучит *тук-тук-тук*, тащит нас к себе, будто на веревке. Мне даже не приходится задумываться, куда идти. Вообще-то, проще, когда я *перестаю* думать и просто разрешаю звуку вести себя.

Он приводит меня к дверям актового зала. Джейкоб, сунув руки в карманы, бормочет что-то насчет плохих идей. На это я напоминаю, что ему идти туда не обязательно – хотя на самом деле очень рада, что он со мной.

– Девятое правило дружбы, – отвечает он, – наблюдение за призраками – забава для двоих.

– Вообще-то да, – киваю я, снимая крышку с объектива фотоаппарата. Он старый и неуклюжий, этот аппарат, висящий у меня на плече на широком фиолетовом ремне, – неавтоматический, с неисправным видоискателем и черно-белой пленкой.

Если кто-то из учителей застучает меня в актовом зале, скажу, что делаю снимки для школьной газеты. Хотя учебный год кончается, и школьные кружки уже закрылись на лето...

И я никогда не работала в школьной газете.

Толкнув дверь, я вхожу в зал – просторный, с высоким потолком и тяжелым алым занавесом, скрывающим сцену от глаз.

Вдруг я понимаю, что *тук-тук-тук* зовет меня именно туда. У каждой школы есть свои предания. Некое объяснение, что за странный скрип раздается в туалете для мальчиков, почему на задних партах в кабинете английского всегда холодно, а в актовом зале пахнет дымом.

Моя школа не исключение. Единственное отличие в том, что, слыша рассказы о привидениях, я могу проверить, правдивы ли они. Чаще всего это оказывается выдумкой.

Таинственный скрип – всего лишь дверь с несмазанными петлями.

Зловещий холодок – просто сквозняк.

Но сейчас, следуя за тихим *тук-тук-тук* по проходу между рядами, а потом на сцену, я понимаю, что с этой легендой дело обстоит иначе.

В ней говорится о мальчике, который погиб во время театрального представления.

Давным-давно, когда школа только открылась, во время второго акта «Сна в летнюю ночь» начался пожар. Пламя охватило декорации, но все успели спастись – вернее, думали, что все.

Пока не подняли крышку люка и не нашли того мальчика.

Джейкоб – он идет рядом со мной – вздрагивает, а я закатываю глаза. Для привидения он слишком пуглив.

– Тебе никогда не казалось, – говорит он, – что это ты недостаточно пуглива?

Но меня так же легко испугать, как любого другого. Хотите верьте, хотите нет, я вовсе не *стремлюсь* проводить время в поисках призраков. Просто, когда они *рядом*, я не могу не обращать на них внимания. Как будто ты знаешь, что кто-то стоит у тебя за спиной – попробуй тут не обернуться. Кто-то дышит тебе в затылок, и ты это чувствуешь, и, чем дольше не оглядываешься, тем хуже, ведь понятно же – то, чего не видишь, всегда намного страшнее того, что видишь.

Я залезаю на сцену, Джейкоб не отстает. Я чувствую, что ему не по себе. Его колебания так и тянут меня назад, но я приподнимаю край тяжелого красного занавеса и пробираюсь под ним. Джейкоб за мной – только он проходит прямо сквозь занавес.

Здесь темно – настолько, что глаза не сразу различают бутафорские предметы и скамейки, в беспорядке расставленные по сцене. Из-под занавеса пробивается узкая полоска света. Здесь тихо, но есть какое-то жутковатое ощущение движения. Я слышу еле слышный слабый стон – это покачиваются на крюках отвесы из мешков с песком. Шепот воздуха под половицами. Шелест – надеюсь, это шуршит бумага, а не крысы.

Я слышала, как ребята постарше подзадоривали друг друга: *слабб тебе зайти туда? Прижать ухо к полу и прислушаться – не зовет ли на помощь тот мальчик, не сумевший выбраться. А один раз в коридоре я подслушала, как старшеклассники хвастались тем, кто сколько здесь продержался. Минуту. Две. Пять. Кто-то утверждал, что слышал голос мальчика. Другие будто бы чувствовали запах дыма и слышали топот убегающих детей. Но разве поймешь, где кончаются выдумки и начинается правда.*

Меня никто не подбивал сюда прийти. Да и кому придет в голову пугать чем-то таким человека, у которого родители пишут книги о паранормальных явлениях.

Ну да, это и правда было бы странно.

Пробравшись в темноте почти на середину сцены, я обо что-то спотыкаюсь и лечу вперед. Джейкоб взмахивает руками, пытаясь меня удержать, но его пальцы проходят насквозь, а я падаю на четвереньки, стукнувшись коленкой о деревянный пол. Странно, но половицы под ладонями немного пружинят – я не сразу догадываюсь, что рухнула прямо на крышку люка.

Тук-тук-тук звучит все настойчивее, отдаваясь в ободренных руках. Краем глаза я замечаю движение: тонкая серая завеса колыхнется, как от ветра. Она совсем не похожа на тяжелый сценический занавес. Эту завесу не видит никто, кроме меня.

Вуаль.

Граница между этим миром и чем-то иным, между жизнью и смертью. Ее-то я и искала. Джейкоб переминается с ноги на ногу.

– Давай покончим с этим поскорее.

Я поднимаюсь.

– Дай призрачные «пять», – отвечаю я. То же самое, что дать «пять», но для друзей, которые не могут коснуться друг друга. Выглядит это примерно так: я поднимаю руку, а Джейкоб делает вид, что хлопает по моей ладони своей, и при этом мы оба изображаем тихий звук шлепка.

– Ой! – Джейкоб отдергивает руку. – Ты зачем так сильно бьешь?

Меня это смешит. Иногда он такой прикольный. Но вот я касаюсь Вуали, и смех смолкает, стремительно уступая место страху и тревоге.

Как-то по телевизору я видела «охотников за привидениями», они рассказывали о переходе, о встрече с другой стороной. По их рассказам это было, все равно что щелкнуть выключателем или распахнуть дверь. Но для меня все по-другому: нащупать край завесы, уцепиться за ткань и потянуть.

Иногда, если по ту сторону никого нет, Вуаль очень тонка, скорее похожа на дымок, чем на ткань, и тогда ее трудно схватить и удержать. Но уж если место облюбовали привидения – если они там *действительно* есть, – ткань вьется вокруг и чуть ли не сама втягивает меня внутрь.

Сейчас она вьется у меня между пальцами, ждет, чтобы ее поймали.

Я хватаюсь за Вуаль, набираю в легкие побольше воздуха и тяну.

Глава вторая

Когда я была маленькой, то боялась чудища в шкафу. Часто я не могла уснуть, и тогда приходил папа, открывал дверь шкафа и показывал мне, что там никого нет. Пройти Вуаль – это примерно как распахнуть закрытую дверь.

С той разницей, конечно, что чудищ на самом деле не существует, и шкаф всегда оказывался пустым.

С Вуалью... все не так.

По коже пробегает холодок. На секунду я оказываюсь не на сцене, а под водой, над головой ледяное течение, свет исчезает, а что-то тяжелое тянет меня вниз, вниз, вниз...

– Кэссиди.

Услышав голос Джейкоба, я моргаю, и воспоминание о реке уходит. Я опять на сцене, и тут все, как раньше, но другое. Сцена потускнела, точно старая выцветшая фотография, зато теперь здесь не так темно. Наоборот, сцена освещена, на нее направлены софиты, а из-за занавеса слышен приглушенный шум голосов.

Джейкоб по-прежнему рядом со мной, но сейчас он кажется более осязаемым, реальным. Опустив глаза, я осматриваю себя. Выгляжу обычно, как всегда, разве что бледнее – но это все равно я, с камерой на плече. Единственное серьезное отличие – свет у меня в грудной клетке. Прямо сквозь ребра пробивается яркое, голубовато-белое свечение, скрученное в спираль, как в электрической лампочке.

– Как у Железного человека ¹, – шутит иногда Джейкоб.

Я прижимаю фотоаппарат к груди, чтобы приглушить сияние.

– По местам! – раздается из кулисы голос взрослого, и от неожиданности я вздрагиваю. Джейкоб прихватывает меня за рукав, и на этот раз его рука не проходит насквозь. Здесь то ли он более плотный, то ли я – менее, но в любом случае я благодарна ему за поддержку.

– Второй акт! – добавляет голос.

И тогда я понимаю, что это.

Когда это.

День того пожара.

На сцене суетятся, занимая свои места, взволнованные мальчики и девочки, в коронах фей и блестящих плащах. Меня и Джейкоба они не замечают. Поднимается занавес, и слышно, как в темном зрительном зале переговариваются зрители. Мне приходится напомнить себе, что на самом деле в зале никого нет. Это место, пространство, время – все здесь принадлежит призракам. И их воспоминаниям.

Прочее – только декорации.

Я поднимаю камеру, не поднося видеоискатель к глазам (он все равно сломан). Быстро щелкаю несколько раз, хотя и знаю: в лучшем случае на снимке удастся разглядеть бледную тень того, что здесь происходит. Чуть больше того, что видят все. Но меньше того, что вижу я.

– Подумать только, – с тоской шепчет Джейкоб, – мы могли бы сейчас сидеть в школьной столовой, обедать, как все нормальные люди.

– Нормальные? Ты не можешь есть, а я вижу призраков, – шепчу я в ответ. Между тем, начинается второй акт. Феи собираются вокруг королевы в нарисованном лесу.

Я оглядываю сцену, конструкции над головой, декорации, пытаюсь обнаружить источник огня. Возможно, меня потому и тянет в такие места. Ведь не случайно же здесь собираются привидения. Может быть, если кто-то узнает правду – если я узнаю правду – о том, что случилось, это принесет им покой. И они смогут уйти.

¹ Джейкоб имеет в виду комиксы и мультсериал «Железный человек: Приключения в броне».

– Ерунда, все вообще не так, – шепчет Джейкоб.

Я резко оборачиваюсь на него.

– Что ты имеешь в виду?

Он открывает рот, чтобы ответить, но тут появляется мальчик. Невысокий, с бледной кожей и копной черных кудрей. Я сразу понимаю, что это именно он, призрак – такое безошибочное чувство, как будто земля кренился к нему, и я вот-вот поеду в его сторону.

Я вижу, как его плащ задевает за канаты и запутывается в них. Мальчику удастся высвободиться, он бредет к сцене прямо перед нами, но роняет корону и снова возвращается. На мгновение наши глаза встречаются, и мне кажется, что он видит меня, я хочу заговорить с ним, но Джейкоб, зажав мне рот, энергично мотает головой.

Звучит музыка. Мальчик отворачивается, и я смотрю, как он занимает свое место на сцене.

– Нужно уходить, – шепчет Джейкоб, но я не могу уйти. Пока не могу. Я должна узнать, что же произошло.

И тут раздается какое-то шуршание. Я вижу, что один из крепежных канатов – тот самый, в котором запутался мальчик – отвязался и раскачивается. Мешок с песком мотается, скользит, опускаясь все ниже, падает, а по пути задевает распределительный щиток и выбивает предохранитель.

Вспыхивает искра – всего-навсего искра, такая крохотная, – но у меня на глазах она падает на обрывок бумажной декорации, отброшенный в кулису.

– Ох, только не это! – ахаю я, а спектакль продолжается.

Пламени нет. Его пока не видно. Только тепло и дым. Дым, который невозможно заметить в темном театре. Я поднимаю глаза и смотрю, как тонкая нежная струйка растет, становясь все толще, и собирается под потолком в густое облако. И никто по-прежнему ничего не замечает.

До тех пор, пока, наконец, не вспыхивает огонь.

А на сцене так много горючих материалов: лес, сооруженный из деревянных планок, марли и бумаги. Все это мгновенно воспламеняется и разрушает волшебство спектакля. Ученики-феи разбегаются, зрители в панике. Хотя я и знаю, что это только воспоминания, эхо того, что случилось давным-давно, но все равно *ощущаю*, что становится все жарче.

Схватив за руку, Джейкоб тащит меня подальше от бушующего огня.

Несмотря на ужас, мои пальцы продолжают направлять камеру и щелкать, чтобы поймать в кадр хоть что-то. Мир вокруг заволокло дымом. Огонь, крики, ужас...

У меня начинает кружиться голова, как будто я надолго задержала дыхание. Я понимаю, что нахожусь здесь уже довольно долго, что пора удирать, но ноги меня не слушаются.

И тут я вижу того самого темноволосого мальчика. Он старается держаться ближе к полу, как всех нас учат в школе, но огонь распространяется стремительно, поглощая все на своем пути, взлетает вверх по занавесу. Бежать некуда, вся сцена охвачена языками огня, и мальчик опускается на пол и ползет по-пластунски, пока не добирается до люка.

– Не лезь туда! – кричу я, но он меня, конечно, не слышит. Не оборачивается. Поднимает дверцу и забирается внутрь, за миг до того, как большой кусок горящих декораций рухнет сверху прямо на дверцу люка.

– Кэссиди, – зовет Джейкоб, но я не могу оторвать глаз от этого зрелища, хотя уже задыхаюсь от дыма.

Джейкоб трясет меня за плечи.

– Нужно *идти*, – командует он, но я все равно не трогаюсь с места, и тогда он с силой толкает меня вперед. Я чуть не падаю, задев деревянную скамейку. Когда я касаюсь пола, он уже холодный. Пожара нет, погасло и свечение у меня в груди. Рядом со мной на корточках сидит Джейкоб, снова призрачный. Увидев его, я без сил откидываюсь назад.

Иногда, понимаете ли, я *застреваю*.

Это как страна Неитинебудет в «Питере Пэне» – чем дольше потерянные мальчишки в ней находились, тем больше они забывали свою настоящую жизнь. Чем дольше я нахожусь по ту сторону Вуали, тем труднее вернуться.

Джейкоб скрещивает руки на груди.

– Ну, теперь ты довольна?

Довольна – не совсем подходящее слово. Постукивание все равно продолжается – оно никогда не стихает, – но, по крайней мере, теперь я знаю, что там по другую сторону. Так намного легче не обращать на него внимания.

– Прости, – я поднимаюсь на ноги, отряхиваю с джинсов невидимый пепел. Мне все еще мерещится запах гари и дыма.

– Двадцать первое правило дружбы, – наставительно говорит Джейкоб. – Не бросай друга за Вуалью.

Не успевает он договорить, звенит звонок.

Обеденный перерыв закончился.

Глава третья

Прежде чем продолжить рассказ, я должна вернуться назад.

Понимаете, есть три вещи, которые вы должны знать.

Первое: сколько себя помню, я всегда фотографировала.

Папа говорит, что мир постоянно меняется, каждый день, каждую секунду. В нем меняется все, а это значит, что вы прямо сейчас отличаетесь от того, каким были, когда начинали читать это предложение. С ума можно сойти, правда? И наши воспоминания тоже изменяются. (Например, я могу *поклясться*, что плюшевый мишка, с которым я росла, был зеленого цвета, но родители уверяют, что он был оранжевым.) Но, когда вы делаете снимок, вещи застывают. Какими они были, такими и остаются, такими будут всегда.

Вот почему я люблю фотографировать.

Второе: у меня день рождения в конце марта, прямо там, где встречаются два времени года. Когда солнце уже теплое, но ветер еще холодный, а деревья начинают цвести, хотя земля еще не прогрелась. Мама любит говорить, что я родилась, стоя одной ногой в зиме, а другой – в весне. Потому-то я такая непоседливая, мне не сидится на месте, а еще (тоже по мнению мамы) из-за этого я постоянно влипаю в неприятности.

Третье: мы живем в пригороде, среди полей и холмов (и множества привидений), и деревьев, меняющих цвет, и рек, замерзающих на зиму, и великолепных пейзажей.

Кажется, что фотографии, время и место не связаны между собой, но все это важно, вот увидите. Как нити, из которых сплетена ткань.

Когда мне исполнилось одиннадцать лет, мама и папа подарили мне фотоаппарат, уже знакомый вам – старый, на фиолетовом ремне, со старомодной вспышкой и диафрагмой, которую надо крутить самому. Все ребята в нашей школе снимают на мобильники – но мне хотелось что-то солидное, настоящее. Я влюбилась в свою камеру с первого взгляда и сразу же поняла, куда хочу пойти и что сфотографировать.

Есть в нескольких милях от нашего дома такое место, расщелина между холмами, и вечером на закате солнце садится прямо туда, закатывается между двумя склонами, будто кто-то держит в ладонях мяч. Я там бывала десятки раз, и это всегда выглядело по-разному. Вот я и придумала – ездить туда целый год, ежедневно, чтобы поймать и снять на пленку каждый закат.

А начать решила прямо сразу.

Помните, я говорила, что день рождения у меня в марте? Так вот, в прошлом году это был первый теплый день – в смысле, теплый для того, чтобы кататься на велосипеде. Правда, воздух еще был холодным – мороз пощипывал, как говорит мама. Так что я повесила себе на шею фиолетовый ремень и наперегонки с солнцем отправилась на велике к тем холмам. Шины шуршали по полузамерзшей земле, по улицам, мимо футбольного поля и к мосту.

Мост. Неширокая полоса из металла и дерева, перекинута над водой. Из тех мостов, по которым приходится ехать по очереди, потому что двум машинам там не разъехаться. Я была уже на середине, когда из-за поворота вылетел грузовик и понесся прямо на меня.

Я попыталась увернуться, водитель грузовик тоже вильнул в сторону так резко, что шины завизжали – а мой велик с такой силой врезался в перила, что выбил искры. С такой силой, что я вылетела из седла.

Через перила.

Я упала. Звучит нестрашно, правда? Как будто споткнулась, плюхнулась на землю, ободрала коленку. Но я летела вниз двадцать футов, прямо в воду, еще пару дней назад покрытую льдом. И когда я оказалась под водой, сила удара и холод вышибли у меня из легких весь воздух.

В глазах сначала вспыхнуло, потом все потемнело. Придя в себя, я поняла, что тону. Камера на шее свинцовым грузом тянула вниз, вниз, вниз. В воде было темно, вверху на поверх-

ности виднелась серебристая рябь. Где-то – не в воде – я вроде бы увидела кого-то, неясный силуэт человека, тень. Но тень тут же исчезла, а я продолжала тонуть.

О смерти я не думала.

Я вообще ни о чем не думала, кроме ледяной воды в легких, каменной тяжести реки над головой, но даже и это начало меркнуть, и осталась одна мысль: *я все дальше ухожу от света*. Говорят же, что надо пробиваться к свету, я даже пыталась, но не могла. Руки и ноги будто свинцом налились. И воздуха не хватало.

Не помню, что было дальше. Нет, что-то помню, но смутно.

Мир словно замер, как в кино, когда движение на экране то замедляется, то совсем замирает, то перескакивает вперед. А потом я уже сидела на берегу, судорожно хватая воздух ртом. Рядом сидел мальчик, в джинсах и футболке с супергероем, со светлыми волосами, стоящими торчком, как будто он только что запустил в них пятерню и взьерошил.

– Еще бы чуть-чуть, и все, – сказал он.

Тогда я еще ничего не понимала.

– Что случилось? – спросила я, стуча зубами.

– Ты свалилась в воду, – ответил мальчик. – А я тебя вытащил.

Что за чушь, подумала я – на мне нитки сухой не было, а он даже не намок. Возможно, если бы меня так не трясло, если бы так не болели глаза от речной воды, а голова бы не была тяжелой, как ледяная глыба, я бы и заметила его необычную, сероватую бледность. И то, что я почти, почти, *почти* могла видеть сквозь него. Но я слишком устала и слишком замерзла.

– Я Джейкоб, – представился мальчишка.

– Кэссиди, – ответила я, повалившись на землю.

– Эй, – он встревоженно склонился надо мной, – не засыпай...

Я услышала другие голоса, потом захлопали дверцы машины, по откосу затопали башмаки. Меня окутало теплом чьей-то куртки, но глаза закрывались сами собой. Проснувшись я на больничной койке, рядом были мама и папа, и руки у них были такими же теплыми, как и у меня.

Был здесь и Джейкоб – он сидел с ногами на незанятом стуле (я довольно быстро поняла, что никто кроме меня его не видит). Рядом на тумбочке лежала моя камера. Фиолетовый ремень был ободраным, а видоискатель треснул. Она была повреждена, но не погублена, изменилась, но осталась в живых. Примерно, как я сама.

Чуть-чуть особенная.

Немного странная.

Не вполне живая, но уж точно не...

В смысле, может ли человек называться мертвым, если в конце концов он не умер? Живы ли те, кто возвращается оттуда?

Скажете, подходящее название – *ходячий мертвец*? Но дело в том, что я никакой не зомби. Сердце бьется громко и ровно, я ем и сплю, и вообще делаю все, что положено живым.

Побывала на волосок от смерти. Так это называют. Но я знаю, что была не просто *рядом* со смертью.

Я побывала прямо там. Внутри. Достаточно долго, чтобы глаза привыкли, как в темной комнате. Достаточно долго, чтобы обследовать то пространство, прежде чем меня потянули обратно, к яркому, холодному свету.

В конце концов, думаю, что мама права.

Одной ногой я стою в зиме, другой – в весне.

Одной ногой я там, где живые, а другой – там, где мертвые.

А еще через неделю я обнаружила Вуаль.

Мы с Джейкобом отправились погулять, чтобы все обсудить и поразмыслить о нашей странной связи. Говорю же, я прежде никогда не имела дела с привидениями, и с ним ничего подобного не случилось. И тут это произошло.

Мы срезали угол через пустырь, и вдруг я почувствовала это: *тук-тук-тук*, будто кто-то пристально на меня смотрит, щекочущее чувство, как от прикосновения паутины к голой коже. Краем глаза я заметила серую ткань. Надо было отвернуться, но я не смогла. Вместо этого я стала поворачиваться *к ней*. Я схватила завесу рукой, и мне показалось, что я снова лечу с моста и врезаюсь в воду. Но я не отпустила ткань.

А когда пришла в себя, рядом сидел Джейкоб, только он выглядел *плотным*, материальным и был так же огорошен, как я сама. Пустырь вокруг нас исчез. Мы стояли внутри складского помещения, от стен эхом отдавались металлические позвякивания и удары, а где-то плакал какой-то человек. Сама Вуаль меня не испугала, зато до ужаса испугал этот звук, ощущение вторжения в чью-то жизнь – или смерть. Я поспешила освободиться от этого места, брезгливо отбросив от себя Вуаль, как будто это и правда была прилипшая к одежде паутина.

Я поклялась, что никогда туда не вернусь.

И была уверена, что говорю правду.

Но недели через две я это снова почувствовала – *тук-тук-тук*, серую завесу, мазнувшую меня – и не успела ничего сообразить, как уже ловила ее, отдергивала, а Джейкоб дулся и ворчал, но пошел следом за мной, хоть и неохотно.

С тех пор прошел год.

Для большинства обычных людей жизнь и смерть – противоположности, как черное и белое. Но в тот день, когда Джейкоб вытащил меня из воды, со мной что-то случилось. Думаю, что и я тоже откуда-то его выдернула, и теперь мы связаны. С тех пор я не вполне живая, а он не вполне мертвый.

Если бы мы были героями комикса, это было бы историей нашего происхождения.

Кого-то кусает паук, а кто-то падает в чан с кислотой.

У нас была река.

Глава четвертая

– Да, и еще обязательно «Бэтгерл», – говорит Джейкоб, – переиздание, а не оригинал...

– Обязательно, – нога за ногу, шаркая кроссовками, мы возвращаемся домой. Двое, но только одна тень на тротуаре. Мы обсуждаем, какие комиксы мне нужно приготовить для Джейкоба на время наших каникул.

– И не забудь про «Череп и Кость», – добавляет Джейкоб.

«Череп и Кость» – любимый комикс Джейкоба. В нем погибшего ковбоя по имени Стрелок по черепам воскрешают для того, чтобы он сражался с восставшими духами. Ему помогает верный пес, волкодав Кость.

Джейкоб продолжает перечислять и выбирать, пытается решить, что предпочесть: 31-й выпуск «Тора» или 5-й выпуск «Черепа», но я слушаю его вполуха. Другие мысли не дают мне покоя.

Там, в актовом зале, я сперва думала, что могу помочь мальчику-привидению, если увижу, что с ним случилось. Но тогда Джейкоб сказал, что все это *вообще не так*. Раньше Джейкоб ничего подобного не говорил, он вообще никогда *ничего* не рассказывал о Вуали. Я думала, что он и сам не знает, почему меня так тянет туда. И о том, как мне удастся туда попасть. Но что, если он все-таки знает, но только не говорит мне?

Сейчас он слышит все мои мысли, вопросы, сомнения.

– Правило номер семь, – говорит он. – Не суй нос в чужие дела.

Ну да, конечно, думаю я. Но первое-то правило дружбы гласит: у друзей нет секретов друг от друга.

Джейкоб вздыхает.

– Я не могу все тебе рассказать, Кэсс. У нас... – он взмахивает рукой, – есть свои правила.

– И что это за правила? – не отстаю я.

– Правила как правила! – огрызается Джейкоб, краснея. Мне неприятно видеть друга огорченным, и я замолкаю. Ну, то есть, я не могу совсем *перестать* думать об этом – очень громко, к тому же, – но Джейкоб притворяется, что не слышит, а я больше не задаю вопросов вслух.

– Хочешь, бери не пять, а шесть комиксов, – говорю я вместо этого.

Он надувает губы, но мне почему-то кажется, что это не всерьез. Мне очень нравится отходчивость Джейкоба: если он и разозлится, то ненадолго. Все плохое мигом забывается.

– Ладно, семь, – говорю я, когда мы добираемся до моей улицы. – Но окончательный список должна одобрить я. И никакого «Бэтмена».

Он глядит на меня с напускным ужасом.

– Для тебя нет ничего святого!

Я поднимаю фотоаппарат и гляжу на счетчик кадров – интересно, получится ли хоть что-нибудь из того, что я нащелкала сегодня за Вуалью? Замечаю, что остался один последний кадр.

– Улыбнись, – я навожу камеру на Джейкоба, а он успевает вскинуть руку в победном жесте. Но, пока я снимаю, он не смотрит в объектив. Он никогда в него не смотрит.

– Ты разве не слышала? – шутит он обычно. – Фотографии крадут душу. Да и вообще, не люблю я высовываться.

Щелк.

Мы идем дальше. Вот уже и мой дом показался – старый викторианский дом, так и кажется, что в нем должны быть привидения.

(Их там нет.)

(Не считая Джейкоба.)

(А он не в счет.)

– Это грубо, – бурчит он, идя за мной по пятам.

Я снимаю кроссовки и бросаю их у входа, рядом со стопкой книг. Кабинет тоже набит книгами под завязку, и в коридоре их полно. В основном это научные труды – история, религия, мифология, этнография, – но есть и романы. А еще книги с именами моих родителей на обложках и названием серебряными или золотыми буквами:

ОККУЛЬТУРОЛОГИ

Это, понимаете ли, игра слов, потому что *культуролог* – это человек, который изучает и исследует разные явления культуры, а слово *оккультный* указывает на явления, связанные с потусторонним миром.

Мои родители написали целую серию книг, сейчас они заканчивают шестой том. Их книги похожи на исторические, только в них вплетены рассказы о привидениях, перемешаны правда и мифы. Представьте, они довольно популярны у читателей. Я останавливаюсь, беру в руки одно из последних изданий, смотрю на фотографию на задней стороне обложки. На ней худощавый мужчина в твидовом пиджаке, темные волосы начали седеть на висках (это папа). Под мышкой у него большая тетрадь, на носу очки. Рядом с ним женщина в светлых брюках и цветастой блузке. Ее буйные темные кудри собраны в довольно-таки неряшливый пучок, скототый авторучками вместо шпилек. В руках у нее открытая книга, с разлетающимися, как от ветра, страницами (это мама).

А в ногах у них свернулся шар черного меха с зелеными глазами. Это наш котик, Мрак.

Общее впечатление: то ли история, то ли магия, плюс небольшая доля старых добрых суеверий.

Забавно, что папа вообще *не верит* в существование привидений (но издателю как раз нравится, что папа такой скептик, потому что благодаря этому рассказанные истории кажутся читателям более «реалистичными» и «понятными»). Словом, мои родители – отличная, сплоченная команда: папа ученый, а мама мечтательница. Он пишет о прошлом, а она раскручивает истории с привидениями, опираясь на всевозможные *а вдруг и что, если*.

А я? Я держусь от этого в стороне.

Потому что родители не знают обо мне всей правды. Я так и не рассказала им, что *действительно* случилось со мной в реке. Не рассказала ни о Вуали, ни о том, что вижу по другую сторону. Мне кажется, что я должна сохранить это в тайне.

Вот и получилось, что мои родители рассуждают и пишут о призраках, хотя и не видят их.

А я вижу призраков, но не хочу рассуждать или писать о них.

Кажется, это называется *парадоксом*.

– Эй! – зову я. – Есть кто-нибудь?

Из глубины коридора доносится мамин голос – она у себя в кабинете, разговаривает по телефону. По тому, как она говорит, нетрудно догадаться, что у нее берут интервью.

– Считаю ли я, что в мире много непонятного и непостижимого? – повторяет мама. – Конечно. Было бы крайне самонадеянно утверждать обратное...

Мама выглядывает из дверей (ее пучок, как всегда, напоминает дикобраза, столько в нем ручек) и с улыбкой машет мне, а сама продолжает разговор:

– Духи, привидения, призраки, фантомы, называйте их как хотите...

Одной рукой она обнимает меня, не переставая тараторить.

– Конечно, кое-что наука может объяснить, но когда разные люди наблюдают одни и те же сверхъестественные явления, видят одно и то же привидение, рассказывают почти об одном и том же, мы должны задаться вопросом: в чем причина?

Мама прикрывает трубку рукой.

– Папа уже едет домой, – шепчет она мне в волосы. – Не уходи далеко. Нам нужно поговорить.

Нам нужно поговорить.

Три слова, от которых сразу становится не по себе, и я бы не прочь услышать объяснение, но мама уже отвернулась.

– О да, – это она говорит уже интервьюеру. – Я действительно ощущала присутствие призраков.

Вполне вероятно.

– Я их *видела*.

Джейкоб машет рукой у нее перед глазами.

Менее вероятно.

Что самое странное, мама вроде как знает о Джейкобе. Потому что, когда постоянно болтаешь с невидимым лучшим другом, рано или поздно наступает момент, когда приходится объяснять, кто твой собеседник.

Но я не знаю, верит ли мама в потусторонние силы и все такое, или только *хочет* в них верить, потому что с ними мир становится интереснее. Она говорит, что у нее на самом деле были какие-то сверхъестественные переживания и что у нас наследственная «чувствительность» к паранормальным явлениям. Еще она говорит, что когда дело касается странного и необъяснимого, важно сохранять непредубежденность.

Но я *точно* знаю, что мама не смотрит на меня свысока, как папа, когда речь заходит о Джейкобе. Она не говорит о нем, как о воображаемом друге, и не подкалывает, спрашивая с явной насмешкой, как *он* себя сегодня чувствует или что *он* хочет на ужин.

Если Джейкоб хочет что-то ей сказать через меня, она слушает.

При мысли о пропущенном обеде у меня бурчит в животе, и я пробегаю мимо маминого кабинета на кухню и делаю себе АМ + Б + ШЧ, то есть, арахисовое масло, банан и шоколадные чипсы, то есть, самый вкусный в мир сэндвич, что бы там ни говорил Джейкоб. (Думаю, ему просто завидно, что он не может попробовать.) Половину сэндвича я сразу запихиваю в рот, вторую убираю в холодильник на потом и стрелой несусь к себе наверх.

У меня на кровати спит Мрак, наш котик.

В реальной жизни он не очень похож на свой портрет в книге. У Мрака совершенно отсутствует то, что мама называет *природным кошачьим достоинством*. Вот сейчас, к примеру, он лежит кверху брюхом, раскинув лапы, как делают собаки по команде «умри». Когда я с грохотом швыряю на пол рюкзак, кот даже не вздрагивает. Я чешу его за ушком – надо же проверить, жив ли он – и ныряю в каморку, которая раньше была моим шкафом.

Переделать ее мне помог папа. Как-то мы с ним потратили выходные, вытаскивая оттуда полки, и превратили тесный закуток в отличную фотолабораторию. Там есть стол с бобинами для пленки, проявочный бачок, увеличитель, фотобумага и кюветы для химических растворов. И даже натянут стальной трос с прищепками, для просушки отпечатков. Все, что нужно фотографу.

Джейкоб уже поджидает меня – он не тратит времени на такие штуки, как двери и лестницы.

Пожав плечами, он прислоняется к стене.

– Есть свои плюсы в том, что ты призрак. Ходить кратчайшим путем.

Я снимаю с плеча фотоаппарат, прокручиваю пленку, потом открываю заднюю крышку и вынимаю кассету.

А потом закрываю дверь, и бывший шкаф – вместе с нами – погружается в полную тьму.

Хм, тьма была бы полной, если бы Джейкоб немного не... сиял. Свечение не слишком яркое, больше всего напоминает лунный свет. Пленка от него не засвечивается, да и я мало что могу рассмотреть, поэтому больше доверяю свои рукам и действую на ощупь.

Я вскрываю кассету и извлекаю пленку. Накручиваю ее на маленькую металлическую шпульку и опускаю в проявочный бачок – он похож на коротенький термос.

Теперь можно щелкнуть выключателем – и в лаборатории вспыхивает тусклый красный свет. Теперь на нас обоих зловещие багровые отблески, как будто мы персонажи ужастика. Джейкоб размахивает скрюченными пальцами и издает леденящие душу звуки.

Я наливаю воды, чтобы промыть пленку в термосе, потом проявитель. Встряхиваю контейнер. Пока я всем этим занимаюсь, Джейкоб рассуждает вслух, какой выпуск «Тора» лучше взять с собой на каникулы: 57-й или 62-й. Наконец, негативы готовы, и я вешаю пленку сушиться. Пройдет несколько дней, прежде чем с нее можно будет печатать.

Тем временем я выбираю другую пленку – ту, которая *уже* готова. На ней еще одна наша с Джейкобом недавняя экскурсия: в дом с привидениями в паре кварталов отсюда. В том доме уже много лет никто не живет, но, как мы с Джейкобом обнаружили, совсем *пустым* его не назовешь. Я заправляю пленку в увеличитель (что-то вроде проектора, который нужен, чтобы перевести изображение на фотобумагу). Можно приступать к печати.

В проявке пленки есть какая-то магия. Она заключена в самом этом слове *проявлять* – делать видимым. Чувствуя себя немного сумасшедшим ученым, я перекладываю бумагу в разные кюветы с растворами – проявитель, закрепитель, промывка. И, держа бумагу щипцами, смотрю, как на поверхности возникает, наконец, изображение.

Фотоаппарат у меня, конечно, необычный, но он не такой странный, как я сама. Я могу проносить его с собой за Вуаль, но он не видит того, что вижу я. По большей части на снимках все, как в обычной жизни: черно-белое воплощение моего разноцветного мира.

Но время от времени мне все-таки везет.

Время от времени камера ловит тень у стены, или линии, похожие на струйки дыма вокруг чьей-то фигуры, или дверь, ведущую в какое-то место, которого давно уже нет.

Джейкоб заглядывает мне через плечо.

– Не сопи мне в ухо, – шепчу я.

– И не думал.

– Ага, рассказывай.

У него холодное дыхание, как ледяной ветерок в тесной комнатке, но я уже переключилась на кюветы.

Одна за другой проявляются фотографии.

Вот снимок дома с привидениями, сделанный с улицы. Блики солнечного света на покоровившихся досках.

А это уже внутри – дверь, ведущая в темный холл.

А дальше...

Победа.

Эту фотографию я сделала по ту сторону Вуали, что доказывает слабый сероватый отблеск. И там, на верхней ступеньке лестницы, смазанное изображение призрачной девочки в ночной рубашке.

Джейкоб тихонько присвистывает.

Покажи я кому-нибудь этот кадр, наверняка сказали бы, что это «Фотошоп». Но даже если бы мне поверили, я все равно не собираюсь никому рассказывать о своих находках. Не хочу быть, как эти экстрасенсы с телевидения, которые вертятся перед камерой и делают вид, будто общаются с мертвецами. А на самом деле... со мной, например, мертвые не говорят. Не считая, конечно, Джейкоба.

– Я могу стать твоим переводчиком, – предлагает он.

Я фыркаю.

– Нет уж, спасибо.

Глядя на сегодняшние свежие негативы, я гадаю, увижу ли на ней призрачного мальчика в плаще и короне, на фоне занавеса.

Я так долго просидела, скрючившись над столом, что все тело затекло. Я выключаю красную лампочку и выхожу из шкафа в комнату, шурясь и моргая от яркого света.

Джейкоб падает на кровать рядом с Мраком. Никакого удара, разумеется, и на покрывале ни складочки, но Мрак подергивает ухом, а через секунду пытается поймать Джейкоба, хватая лапами воздух. Мы никак не можем выяснить, *видит* его Мрак по-настоящему или просто чувствует что-то неясное в воздухе.

Кошки – таинственные существа.

Решив не терять времени, я приступаю к сборам. Вытаскиваю из-под кровати чемодан. Пока я роюсь в своей летней одежде, Джейкоб притворяется, что нашел пятнышко на футболке, и пытается его отчистить. Представить не могу, чтобы мне пришлось ходить в одном и том же до конца жи... хм, существования.

Джейкоб пожимает плечами.

– Мне еще повезло, что в тот день мне пришлось в голову надеть майку с Капитаном Америкой.

В тот день. Что случилось с ним в тот день? Не знаю, расскажет ли он мне когда-нибудь об этом.

На эту мысль Джейкоб ничего не отвечает. Просто переворачивается на живот и принимается читать комикс, оставленный мной на кровати.

Несколько секунд он тратит на то, чтобы *усилием воли* перевернуть страницу, пока я не подхожу и не переворачиваю ее сама.

– Не самый удачный день, – бормочет Джейкоб.

Слышно, как внизу открывается и захлопывается дверь. Через несколько секунд раздается папин голос.

– Семейный совет!

Глава пятая

Семейный совет.

Это такие же слова, как «нам нужно поговорить» – от них ничего хорошего не жди.

На столе – паста-пицца, еще один плохой знак. Паста-пицца, иначе известная, как спагетти с морепродуктами, мясными фрикадельками и сыром на горячем чесночном хлебе – моя любимейшая еда. Мама с папой заказывают ее в соседнем ресторанчике только по торжественным датам или когда случается что-то очень важное. Сейчас ее появление совсем сбilo меня с толку. Лучше бы было так: для хороших новостей одна еда, для плохих – другая, чтобы понимать, что тебя ждет.

Мама достает тарелки, а папа накрывает на стол, они что-то бурно обсуждают, но понятнее не становится.

– ...уф, я дала интервью для Пятого канала...

– И как все прошло?

– Отлично, отлично... Ты распечатал наш контракт?

Джейкоб подпрыгивает, садится на высокий кухонный стол, болтает ногами, бесшумно колотя пятками по тумбе с ящиками. Я кладу себе большую порцию пиццы. Джейкоб рассматривает смесь сыра, фрикаделек и соуса.

– Фу, гадость какая.

Ты хотел сказать прелесть, думаю я, отправляя в рот большой кусок.

Сыр обжигает мне нёбо, а мама щелкает пальцами – молчаливое замечание за то, что начала есть, не дождавшись, когда все сядут за стол. Папа одной рукой обнимает меня за плечи. От него пахнет свежестыранной рубашкой и старыми книгами.

Наконец все за столом, но я замечаю еще один сигнал опасности: мама с папой не едят. И даже *не делают вид*, будто едят. Я тоже невольно опускаю вилку.

– Ну, – я стараюсь, чтобы голос звучал, как обычно, – что случилось?

Мама вытаскивает из пучка фиолетовую ручку и втыкает обратно.

– О, ничего особенного, – отзывается она. Папа бросает на нее убийственный взгляд, как на предательницу.

– Кэссиди... – начинает он, называя меня полным именем. – У нас есть кое-какие новости.

Боже, думаю я, *скоро я стану старшей сестрой*.

Джейкоб морщится, изображая отвращение, а я так поглощена переживаниями по поводу новости, что следующие папины слова застают меня врасплох.

– У нас будет телевизионное шоу.

Я тупо хлопаю глазами.

– Помнишь, когда вышли первые «Оккультирологи», – вступает в разговор мама, – книгой очень заинтересовалась пресса? И уже тогда многие говорили, что из этого может получиться хорошая телепередача? Тогда одна компания купила права...

– Ага, – медленно тяну я. – Но еще я помню, как вы говорили, что ничего из этого не выйдет.

Мама беспокойно вертится на стуле.

Папа потирает шею.

– Ну да, – просто говорит он. – Но за последние недели кое-что сдвинулось с мертвой точки. Мы не хотели говорить тебе заранее, на случай, если все сорвется, но... – и он оглядывается на маму за помощью.

Она подхватывает, ослепительно улыбаясь.

– Все действительно состоится!

Я в растерянности. Не представляю, что это значит для них, для нас, для меня...

– Ладно, – я говорю неуверенно, пытаюсь сообразить, в чем подвох. В смысле, это отличная новость, но я не понимаю, почему они оба так нервничают. – Здорово! И кто вас будет играть?

Папа хмыкает.

– Никто. В том-то и дело, что мы будем сами себя играть.

Я хмурюсь.

– Не понимаю.

– Это будет не *шоу* с актерами, – поясняет папа. – Скорее что-то вроде репортажа, документального кино.

Мама больше не в силах скрывать восторг.

– Все будет точно, как в книгах, твой папа с фактами и я с легендами, – тараторит она как пулемет. – Каждая серия будет посвящена новому городу, разным местам, достопримечательностям и историям...

У меня голова идет кругом, я пробую разобраться, радует это меня или пугает – а может, и то и другое понемножку. В голову ничего не приходит, кроме бесконечных телевизионных шоу про призраков. Ну, знаете, где люди сидят в темных комнатах, освещенных только аппаратами ночного видения, и таинственно что-то шепчут в микрофон. Это что же, шоу моих родителей будет в таком же роде?

– Ты в кадре появляться не должна, – говорит мама, – если только сама не захочешь! Но ты будешь с нами все время, всю поездку. А на побережье съездим в другой раз...

– Подождите, как это? – Я трясую головой, мои летние планы рассыпаются, как карточный домик. – Когда все начинается?

Папа хмурит брови.

– В том-то и дело, все завертелось очень быстро. Они хотят, чтобы на первой точке мы были уже на следующей неделе.

На следующей неделе. Как раз тогда, когда мы должны были валяться на пляже.

– Хм. И правда, быстро. – Я очень стараюсь, чтобы родители не заметили паники в моем голосе. – А куда мы едем?

– По всему миру! – Мама достает толстую папку, на обложке надпись: «Оккультирологи». – «Самые известные в мире города с привидениями». Вот такая тема у этого шоу.

Мир, думаю я, это очень большое место.

– Меня больше волнует часть про *города с привидениями*, – замечает Джейкоб.

Даже странно: он призрак, но не любит страшилки, зачарованные места и *все*, что связано с Вуалью.

Довольно долго я не понимала, в чем причина. Много думала, но не хотела спрашивать. А потом, в один прекрасный день, Джейкоб, видимо, устал от моих мыслей, потому что пришел и все объяснил.

– Там... холодно, – сказал он. – Представь, что попала под снегопад, но сначала тебе тепло и дрожь начинает бить не сразу. Сначала из тебя должно уйти все тепло. А я чувствую себя так, как будто только что зашел в дом, и не хочу опять оказаться там, на морозе. Страшно, что тогда мне уже больше никогда не согреться.

Мне бы так хотелось взять его за руку и сжать ее.

Передать частичку своего тепла.

Но все, что я могу – это пообещать, что никогда не дам ему замерзнуть.

Что никогда не брошу его.

Куда ты, туда и я, думаю я.

– Ну что, Кэсс? – спрашивает папа, и его очки вспыхивают бликами, как будто он мне подмигивает.

Плакало мое лето без привидений.

– Что ты об этом думаешь? – настаивает мама.

Это не очень честный вопрос. Совсем не честный. Родители любят его задавать, когда все уже решено и выбирать особо не приходится. Я думаю, что все это звучит безумно и страшно. Я думаю, что предпочла бы отправиться в домик на побережье.

Но у мамы и папы такой радостный вид, что я не хочу все портить. К тому же – я кошусь на Джейкоба, – это *может* оказаться интересно.

Он рычит.

Мама открывает папку, и мой взгляд падает на первую страницу.

ОККУЛЬТУРОЛОГИ

ПЕРВАЯ СЕРИЯ

Место действия: Эдинбург, Шотландия

Что мне известно о Шотландии? Она на севере Англии, а нас от нее отделяет океан. Там носят килты, и... вроде, все.

Продолжаю читать и вижу название серии:

ГОРОД ПРИЗРАКОВ

– Звучит не слишком зловеще, ага, – язвит Джейкоб, а я вздрагиваю от волнения и предвкушения.

Я думала, что жизнь у меня очень необычная.

Чувствую, она становится еще необычней.

Часть вторая

Город призраков

Глава шестая

– Кэссиди! Такси ждет!

Я запихиваю в чемодан последние вещи и сажусь сверху на крышку, чтобы заставить ее закрыться. Я-то думала, что буду собирать вещи для пляжа – купальники, шортики, крем от загара – для безмятежного лета без призраков. Вместо этого я утрамбовываю в чемодан свитера и ботинки. Если верить приложению в моем телефоне, шотландское лето – это синоним холода и дождя, да еще и с градом.

На краю кровати сидит Джейкоб, в неизменных джинсах и футболке: призракам не нужны дождевики.

– Комиксы не забыла? – беспокоится он.

– Они у меня в рюкзаке.

– А найдется там место еще для парочки, а то я подумал, мы не захватили ни одного выпуска «Правосудия»...

– Нет, – бросаю я, уже не в первый раз проверяя, достаточно ли пленки в футляре для камеры.

В дверях показывается папа, с чемоданом в одной руке и кошачьей переноской в другой. Из глубины клетки на меня сердито смотрит Мрак.

– С кем ты тут разговариваешь? – интересуется папа.

– Да так, с Джейкобом, – отвечаю я.

Папа смотрит по сторонам с таким видом, что сразу видно – он хочет меня посмешить.

– А Джейкоб уже готов к отъезду?

– Ответ отрицательный, – отзывается с кровати Джейкоб. – Я считаю, что все это плохая затея.

– О да, – мстительно заявляю я. – Он умирает от желания посмотреть на все эти дома с привидениями, пещеры с привидениями и замки с привидениями.

Джейкоб мрачнеет.

– Предательница.

– Я рад, – жизнерадостно восклицает папа. – Не могу обещать, что там будут призраки, зато какая там история!

Мрак возмущенно шипит.

Я закрываю молнию на чемодане и с *бум-бум-бум* на каждой ступеньке тащу его вниз. На улице я оглядываюсь на дом и вижу, как папа запирает входную дверь. Внутри у меня настоящий комок нервов.

– Он никуда не денется и будет ждать нашего возвращения, – говорит мама, по лицу догадавшись о том, что я чувствую. – Это просто смена декораций, свежий сюжет, новая глава. Нам предстоит написать целую книгу, – продолжает она, обхватив меня за плечи. – А как мы пишем?

– Понемногу, по страничке, – машинально отвечаю я.

Это мамина любимая присказка. Со дня своего падения в реку я все время цепляюсь за нее, как за веревку. Каждый раз, как я чего-то пугаюсь или нервничаю, я напоминаю себе, что ни одна хорошая история не может обойтись без крутых поворотов и завихрений. А любой героине полагаются приключения.

И вот мы усаживаемся в такси – родители, девчонка, привидение и разозленный кот – и направляемся в аэропорт.

В дороге мама и папа обсуждают расписание. Телевизионщики наняли местную съемочную группу и гида, и у нас есть неделя, чтобы снять все, что мы хотим. Папа сжимает папку с историческими сведениями о разных местах, а у мамы в руках тетрадка с каракулями, прочитывать которые не может никто, кроме нее самой. Чем больше я слушаю, как они обсуждают и планируют, тем яснее понимаю, что это шоу рассчитано на несколько *месяцев*, даже если все пойдет гладко.

Ничего не случается раньше, чем случится, а потом – раз, и уже случилось. Это одна из папиных присказок.

Такси доставляет нас в аэропорт. Но высаживаются из машины уже не родители, девчонка, привидение и разозленный кот...

Потому что Джейкоб исчез.

Иногда он такое проделывает. Пропадает, улечивается. И я не знаю, то ли он дуется, то ли просто пошел кратчайшим путем. Первый раз он пропал в поездке на восточное побережье, куда мы отправились в поисках маяков с привидениями для последней книги моих родителей. Только что был здесь, а в следующий миг бесследно исчез. Я тогда страшно перепугалась, решила, что он как-то привязан к нашей реке, что его держат какие-то невидимые узы, не давая отъехать больше, чем на десять или двадцать миль.

Но когда мы добрались до первого маяка, Джейкоб был там и ждал нас, сидя на ступеньках.

– Ну и что? – оправдывался он. – Меня в машине укачивает!

Типичный ответ Джейкоба.

Хотела бы я знать, куда он девается и что делает без меня. Мне интересно, нужен ли призракам сон, приходится ли ему возвращаться за Вуаль для подзарядки, или он просто вредничает.

Мы с родителями регистрируем багаж, проходим таможенный контроль и ждем посадки, а от Джейкоба по-прежнему ни слуху, ни духу. Я сажусь у окна, смотрю, как стремительно уходит вниз земля, и даже хочу, чтобы он остался дома.

– Дамы и господа, обратите внимание на сигнал «Пристегните ремни»...

Я открываю глаза и прижимаюсь лбом к иллюминатору. Солнце как раз выныривает откуда-то снизу. Трудно представить, что там под нами настоящий океан. По другую его сторону меня ждет новый незнакомый мир. Мир, полный тайн и секретов... и привидений.

Самое прикольное, что на этой высоте, в тридцати пяти тысячах футов над землей, сидя в металлической птице, я не чувствую Вуаль. *Другая сторона* ничего не нашептывает и не тербит меня за плечо, и поэтому кажется, что мне не хватает части себя. Я как Питер Пэн, разлученный с собственной тенью.

То, что рядом нет Джейкоба, положение не улучшает.

Я уговариваю себя не волноваться. Рано или поздно он всегда появляется.

Самолет начинает трястись – не сильно, это называется зона турбулентности, и Мрак с тревогой смотрит на меня из переноски, которая стоит под сиденьем передо мной. Он не издает ни звука, но прищуривает зеленые глазищи с таким видом, как будто в его временном заключении виновата лично я.

Папа задремал, но мама не спит, штудировать книгу под названием «Духи, Призраки, Шотландия». На вид какая-то дешевка – на обложке замок под полной луной и щупальца тумана, которые ползут к привидениям, небрежно обработанным на компьютере. Но я сама не замечаю, как увлекаюсь и, заглядывая через мамино плечо, начинаю читать раздел про Эдинбург.

Этому городу (не забыть бы, что произносится «Эдин-бург», а не «Эдин-берг») больше *девятисот* лет! В книге есть карта, а на ней отмечены парки и мосты, церкви и даже замок. Но город не такой большой, как я ожидала, всего несколько миль из конца в конец, он разделен на Старый Город и Новый Город.

– Новый Город, конечно, относительно новый, – поясняет мама, заметив, что я читаю. – Ему тоже больше двухсот лет. Но лучшие привидения, – добавляет она восхищенно, – все в Старом Городе.

– А где мы будем жить? – беспокоюсь я. И почти сразу догадываюсь, каким будет ответ – еще до того, как мамин палец опускается на карту прямо посреди Старого Города.

Превосходно. Я представляю, как это говорит Джейкоб, и откидываюсь на спинку кресла.

Смотрю в окно, как дневной свет заливает небо. Я вспоминаю о Джейкобе и снова начинаю волноваться – вдруг привидения не могут преодолеть водную преграду. Самолет начинает снижаться, а у меня на сердце тревога. К тому времени, как самолет садится, я уже в панике.

На выходе Джейкоба нет.

Нет его и в терминале.

И на эскалаторе, и в зоне получения багажа.

Но, когда багаж начинает выезжать по ленте транспортера, первое, что я вижу – это не красные и желтые полосы моего чемодана (да, я за Гриффиндор), а мальчика, сидящего на нем по-турецки. У Джейкоба слабость к эффектным появлениям.

Я вздыхаю с облегчением. Соскочив с транспортера, Джейкоб сует руки в карманы и хитро улыбается.

– Вот они, плюсы быть призраком, – весело говорит он, а я не могу решить, чего хочу больше: обнять друга или пихнуть кулаком в плечо. На его счастье, я не могу сделать ни того, ни другого.

Мы усаживаемся в черное такси. Мрак улегся на дно переноски и косится оттуда на Джейкоба, а тот строит рожицы маме, пока она называет водителю адрес гостиницы.

Несколько минут мы едем по самым обычным улицам с магазинами, парикмахерскими и банками. Потом, совершенно неожиданно, асфальт под колесами сменяется булыжной мостовой – мы как будто совершили путешествие во времени. Машина трясется на неровной дороге. У Мрака кровавый вид, а Джейкоба того и гляди стошнит.

Таксист что-то говорит, но произношение у него настолько непривычное, что я не сразу понимаю, что он обращается к нам, а просто не напевает что-то себе под нос. Папа кивает, притворяясь, будто понимает его. Но мне и в самом деле удастся разобрать отдельные слова в потоке певучей речи водителя. Он задал нам вопрос.

– Что же привело вас сюда, в милую Шотландию?

Мама, кажется, тоже его поняла, она отвечает:

– Привидения.

У нас дома одного этого слова было бы достаточно, чтобы разговор угас. Но здешний таксист и ухом не ведет.

– А, – роняет он. – Видел я однажды привидение, на севере.

Мама оживает.

– В самом деле?

– О да, – кивает таксист. – Мы с супругой отправились на денек в горы. Нагулялись на свежем воздухе, посмотрели все, что только можно было, и забрели в ближний замок в надежде перевести дух и подкрепиться.

Ничего странного, думаю я.

– Кухню в этом замке давно переделали в ресторан – кругом камень и стекло, и камин горит. У огня стояли три низких кресла, – продолжает таксист. – Два кресла стояли пустые, а в третьем сидел мужчина и смотрел на огонь. Благородного вида, сразу ясно, что джентльмен.

Супруга моя подошла к столу с закусками, а я взял в обе руки по стакану и пошел за ней следом. Проход там узкий, а я не маленький, вот и задел кресло, в котором сидел джентльмен. Чуть не облил его пивом. Я извинился, а жена тут как раз обернулась и спрашивает, с кем это я разговариваю.

– И что вы думаете... – Таксист помолчал, все затаили дыхание. Напряжение было такое, что, казалось, воздух звенит. – Никого там не оказалось. Все три кресла оказались пустыми.

Папа сидит с глубокомысленным видом, как будто пытается решить сложную задачу, зато у мамы глаза блестят, как у маленькой девочки, которая слушает сказки у костра. Мы с Джейкобом встревоженно переглядываемся. Одно дело, когда призрак двигается предметы или затуманивает зеркало в ванной. Но вот так, запросто *показаться* в нашем мире, как существо из плоти и крови? Это умеет только Джейкоб, но и его вижу только я, и только потому, что мы связаны. Возможно, таксист просто нас разыгрывает или его подвело зрение. Людям иногда мерещатся призраки в темноте, игра света обманывает нас.

Водитель ловит в зеркале мой взгляд.

– Не веришь мне, девочка? – спрашивает он с улыбкой. – Ничего. Поживешь в Шотландии с мое, у тебя свои истории появятся.

Ничего-то он обо мне не знает. У меня и так этих историй выше крыши.

Такси заворачивает за угол, и мы неожиданно оказываемся прямо перед замком из маминной книжки. Только он не маленький, как на картинке. Это настоящий замок в натуральную величину. На скале. Я смотрю на него во все глаза. Папа одобрительно присвистывает. Мама сияет. Даже Джейкоб впечатлен. Замок выделяется на фоне неба, как нарисованный, до чего же он хорош!

– Красотища, верно? – замечает таксист.

Из книги я помню, что замок находится в Старом Городе, поэтому не удивляюсь, когда, переехав через мост (под ним нет воды, там железнодорожный вокзал и большой зеленый парк), мы оказываемся в более старой части Эдинбурга.

Таксист сворачивает с оживленных улиц и едет вниз по склону.

– Ну вот, приехали, – говорит он, останавливаясь перед старым каменным домом с ярко-красной дверью. – Лейнс-Энд.

Глава седьмая

Лейнс-Энд напоминает мне сцену из книги «Гарри Поттер и Орден Феникса». Ту, где Гарри привозят в штаб-квартиру Ордена, в дом Сириуса Блэка, который скрыт заклинанием за фасадом другого дома.

Лейнс-Энд похож на эту штаб-квартиру – серый невзрачный дом, втиснутый между двумя другими, такими же серыми. Дома стоят тесно, как книги на полке, между каменными переплетами нет никакого просвета, крыши ошетинились каминными трубами.

Мы звоним в ярко-красную дверь, и ее тут же отворяет пожилая женщина. У нее румяные щеки, светлая кожа, а у ног вьется толстая белая кошка.

– О, привет, – говорит женщина. – Вы, должно быть, Блейки. А я миссис Уэзершир, хозяйка Лейнс-Энда. Входите.

В вестибюле все стены увешаны старомодными портретами каких-то людей, которые смотрят прямо перед собой. Справа проход в виде арки ведет в гостиную, а в конце вестибюля виднеется деревянная лестница – такая крутая, что возносится вверх, как ствол дерева. Пока миссис Уэзершир рассказывает о правилах жизни здесь, я подхожу к лестнице.

Джейкоб не отстает от меня ни на шаг.

– Ручаюсь, что здесь есть привидения.

Он думает, что привидения есть везде. Что касается Лейнс-Энда, мне пока трудно что-то сказать. Дом, конечно, *старый*, но это не всегда означает...

В стенах что-то дребезжит – наверное, в трубе, а над головой слышатся шаги.

Джейкоб высоко поднимает брови.

Ну, может быть...

Остановившись у лестницы, я поднимаю взгляд и обнаруживаю, что сверху на меня смотрит девочка.

Она примерно моего возраста, на ней накрахмаленная блузка и юбка в клетку. У нее смуглая кожа, блестящие черные волосы аккуратно заплетены в косу. Она смотрит на меня не мигая, и я тоже не могу оторвать от нее глаз. Что-то в этой девочке кажется мне странным. Знакомым. Я не могу избавиться от чувства, что видела ее раньше – хотя я точно *знаю*, что этого не может быть.

– Кэссиди! – зовет папа.

Я спешу обратно, к переноске Мрака. Вокруг нее с любопытством крутится пушистая белая кошка миссис Уэзершир, пытаюсь просунуть между прутьев лапу. Мрак бросает на меня не то злобный, не то умоляющий взгляд. Подхватив клетку, я поскорее уношу ее в гостиную.

Высокий потолок, стены, скрытые книжными полками, камин. Перед ним стоит кресло, а по бокам два дивана. Разумеется, я сразу же вспоминаю три кресла из рассказа таксиста. Но никакого призрачного джентльмена здесь нет, только мама с папой и миссис Уэзершир.

Поставив переноску с Мраком, я сажусь на один из диванов и вскрикиваю: я в нем тону, подушка оказывается неожиданно мягкой и я проваливаюсь, как в зыбучие пески.

Мама приходит мне на помощь – протягивает руку и вызволяет из плена. Миссис Уэзершир тем временем ставит на стол чайник и поднос. И это очень кстати: тем, чем кормят в самолете, наестись невозможно.

– Бисквиты? – предлагает миссис Уэзершир, протягивая мне тарелочку, на которой вовсе не бисквиты, а *сухое печенье*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.